

Bolor-un gerel — Kristályfény — Crystal Splendour. Tanulmányok Kara György professzor 70. születésnapjának tiszteletére. Essays presented in honour of Professor Kara György's 70th birthday, I–II. Ed. by Birtalan Ágnes and Rákos Attila. Eötvös Loránd Tudományegyetem, Belső-ázsiai Tanszék. Magyar Tudományos Akadémia, Altajisztikai Kutatócsoport. Eötvös Loránd University, Department of Inner Asian Studies. Hungarian Academy of Sciences, Research Group for Altaic Studies. — Budapest, 2005. — 940 p.

György Kara celebrated his 70th birthday in 2005. He is a well-known scholar acting in several fields: Altaic, Chinese, Turkic, Tibetan and Manchu studies. His students, pupils and colleagues presented this volume in his honour. The articles are of different genres and on different levels. Besides the papers of respected scholars we can follow the first steps of beginners. The bulky volume proves how many admirers and friends wanted to express their gratitude to G. Kara. Papers are in English, Russian, German, Tibetan, Chinese, Japanese and most of them in Hungarian with an English summary. Here, we just give the table of contents of the volume to give an idea about the rich material presented in it.

The volume starts with the words of honour by A. Róna-Tas and Sultan Taukej, the ambassador of Mongolia in Budapest [Султан Таукей, Эрхэм эрдэнэ бутегч суу билэгтэн]. Then, the articles are given as follows:

T. Agócs, “A Látomásbeli Önmegszabadító” Szembesülés az Értelemmel — egy beavatásos szöveg a Köztes Lét Könyveihez [“Self-Liberation by Naked Vision” Introduction to Intelligence — an Initiatory Text to “The Tibetan Book of the Dead”]; Á.B. Apatóczy, “...és a

maradék”, [“...and the Remainder”]; É. Apor, A perzsa tazkira és a kontinuitás [The Persian Tazkira and Continuation]; É. Aranyosi, A hit újjászületése [Revival of Believing]; Á. Avar, A mongol népi gyógyászat [Traditional Mongolian Medicine]; P. Balogh, A buddhizmus Mongóliában [Buddhism in Mongolia]; Zs. Barta, Néhány megjegyzés a magyarországi tatárjárás (1241–1242) történetéhez [Some Remarks on the History of the Tartars' Invasion in Hungary]; I. Baski, Vaskapuk (Temir qapıy, Vaskapu, Dömörkapu) [Iron Gates (Temir qapıy, Vaskapu, Dömörkapu)]; D. Bayartu, Additional Material to the Geser Studies (in Chinese); Z. Bereczki, Szentséges Dzsingisz kánnak imája [Prayer of Holy Chingis Khan]; G. Bethlenfalvy, The Life of Dzogchen Master Dga'-rab-rdo-rje in a Mongolian Rnam-thar; V. Brittig, Megjegyzések egy ladaki mintakönyv Gur-gyi mgon-po ábrázolásához [Remarks on Gur-gyi Mgon-po on the Basis of a Sketch Book from Ladak]; K.D. Bürgtöd, About Mongolian Children's Folk Songs (in Japanese); Ж. Цолоо, Монголын хуульзүйн нэгэн дурслагт бичгийн хэдэн нэр томъёо [Technical Terms in a Mongolian Juridical Written Monument]; É. Csáki, Középmongol eredetű jövevényszók a karacsáj-balkárban 2 [Middle-Mongolian Loan Words in Karachay-Balkar]; T. Csornai Kovács, Nomádok négy keréken [Nomads on Four Wheels]; E. Dallos, Nőalakok a tatár varázsmesékben [Female Agents of Tartar Magic Tales]; Á. Debreczeni, A Stengs-ek története a Ka-khol-a-ban [The History of the Stengs-dynasty in the Ka-khol-ma]; A. Egyed, The Meaningless Fill-in Syllables in Tibetan Buddhist Chant; I. Erdélyi, Hősön uhaa — Áldozóhely és temető a Góbi-sivatagban [Hősön uhaa — A Place of Sacrifice and a Graveyard in the Gobi Desert]; И. Эрдэнэсүвд, Монгол хэлний этгээд уг хэллэгийн судлал нь [Principal Problems of the Mongolian Slang and its Further Story]; Gy. Fajcsák, “Bevezetés a Buddhó tanába”: A buddhizmus magyar nyelvé

irodalma és művészeti kapcsolatai a 19–20. század fordulóján [“Introduction to the Thesis of the Buddha”: Literature of Buddhism and Its Relations to the Fine Arts in Hungary at the Turn of the 19th–20th Centuries]; A. Федотов, О животных белого цвета в тюркском и монгольском эпосе [On the White-Colored Animals in Turkic and Mongolian Epics]; J. Fehér, Neyārtha és nīārtha tanítások a madhyamaka hagyomány alapján [Neyārtha and nīārtha Teachings. Madhyamaka Interpretation Presented by Cangskya Ro-pa’i rdo-rje]; P. Fodor, A magán- és kényszerkölcsön szerepe az oszmán államháztartásban a 16–17. század fordulóján [The Role of Private and Forced Loans in the Ottoman Fiscal Administration at the Turn of the 16–17th Centuries]; D. Ganbold, Kara György köszöntésére [To G. Kara’s Felicitation]; Zs. Gelle, Kunga Rangdöl alászállása a poklok birodalmába [Kunga Rangdöl’s Descent to the Realm of Hells]; I. Gyarmati, A Rák csillagkép elnevezései a török nyelvekben [Names of the Cancer Constellation in the Turkic Languages]; L. Hajnal, Modern Mongol mitologizálás [Modern Mongolian Mythologizing]; I. Hamar, Az Avatamsaka-sūtra szanskrit és tibeti szövegváltozatai [The Sanskrit and Tibetan Versions of the Avatamsaka-sūtra]; M. Hoppál — D. Somfai Kara, Kirgiz sámánszertartás Xinjiangból [A Kyrgyz Shamanic Ritual from Xinjiang]; A. Iván, A középmongol Pañcarakṣā [The Middle-Mongolian Pañcarakṣā]; B. Kakas, A tudat megtisztítása, avagy gyakorlati buddhista irodalom Tibetben [Mental Purification, or Practical Buddhist Literature in Tibet]; A. Kamalov, Sino-Uighurica: Revisiting the Uighur Runic Inscriptions and the Tang Sources; Karmadorje, Bod Rigs spyi skad (in Tibetan) [Strata of the Tibetan Language]; Б. Катую, Унгар Улсын нэрт монголч эрдэмтэн Д. Карагийн монгол аман зохиолын судлалд оруулсан хувь нэмэр [The Famous Mongolist of the Hungarian Republic, G. Kara’s Contribution to the Research of Mongolian Folk Literature]; B. Kelényi, Vajrabhairava “tizenháromas” maṇḍalája [Vajrabhairava Maṇḍala with Thirteen Figures]; G. Kósa, A fényküldött és a sámán. A kínai manicheizmus megítélésének változás a sámánizmussal való kapcsolatának tükrében [The Envoy of Light and the Shamaness. The Change of the Position of Chinese Manichaeism as Reflected in Its Relationship with Shamanism]; A.E. Kovács, Cedenbal leváltása és ami körülötte történt [Fall of Cedenbal and Its Circumstances]; D. Kovács,

Old Turkic Literary Tradition in the “Secret History of the Mongols”. Cultural Continuity and Relations of the Nomads of Inner Asia; I. Kulganek, The English Missionaries in Siberia: Robert Yuille’s Correspondence with O.M. Kovalevskij; P. Kun, Hetvenhét kazak közmondás és szólás [Seventy-seven Kazakh Proverbs and Sayings]; L. Kunkovác, Tibet átfórtam [Tibet has Transformed Me]; R. Kuzder, Lhamo, a hagyományos tibeti táncos zenedráma [Lhamo, the Traditional Tibetan Dancing Music-Drama]; V. Lovász, Tibeti szerzetesi fogadalmak, avagy Sdom-pa [Vows of the Tibetan Monks — Sdom-pa]; Zs. Majer, A mongol szerzetesi ruhadarabok és fejfedők terminológiája [The Terminology of Pieces of Garments and Caps Worn by Mongolian Lamas]; Cs. Mészáros, Trópusok vagy jelek? A mongol találósok osztályozásának lehetőségei [Tropes or Signs? Possibilities of Classifying Mongol Riddles]; K. Nagy, Khalkedöntől Khalkedónig: Ortodoxia és monofizitizmus látképe az örmény katolikosz listák tükrében (4–10. század) [From Chalcedon to Chalcedon: A Panorama of the Orthodoxy and Monophysitism in the Mirror of the Two Lists of Catholicos of Armenia]; Z. Nagy, Namó Buddhaya, Namó Dharmaya, Namó Sanghaya! Namó Lenina, Namó Ideologija, Namó Partiya!; B. Obrusánszky, Danjanrawjaa tevékenysége és hagyatéka [Danjanrabjai’s Activities and His Heritage]; I.H. Oka, A magyarországi kun női viselet fejdíszje és ennek néprajzi viselettörténeti háttere [Headwear of the Medieval Cuman Women in Hungary and its Archeological, Historical and Ethnographical Background]; Cs. Oláh, The Japanese Diplomatic Missions to China in Eishō-era as Described in Jinshin Nyūminki. The Nyūminki Sources about the Sino-Japanese Diplomacy and Tally Trade]; B. Péri, Kalmük tisztségviselők a Mughal Birodalom szolgálatában [Kalmük Nobility in the Service of the Mughal Empire]; A. Péter, A bSam-yas kolostor története Sa-skya-pa bSod-nams rgyal-mtshan: A királyok származását megvilágító tükör című műve alapján [The History of bSam-yas according to Sa-skya-pa bSod-nams rgyal-mtschan’s. The Clear Mirror of the Royal Genealogies]; K. Pócze, Sülde; В.И. Рассадин, Об окинских сойотах и их языке; В.И. Рассадин, Д.Д. Дондокова, О проблемах составления сравнительно-исторической грамматики бурятского языка; M. Ruttai, A két szürke története. Ordoszi kézirat alapján [The Tale of The Two Grey Horses. On the Basis of an Ordos Manu-

script]; G. Salát, A zhangjishani leletek és a Zouyanshu [The Zhangjishan Finds and the Zouyanshu]; I. Sántha, “Ideje már a tajgába indulnunk!” [“It is Time to Go to the Taiga”]; A. Sárközi, Ófényessége tanítása — A 8. Dzsebcundmba Kutuktu pástorlevele [Admonishing of His Holiness. An Edifying Letter of the 8th Jebtsundamba Khutuktu]; I. Seres, 18. századi magyar híradások a volgai kalmükökről [18th Century Hungarian Reports about the Volga Kalmüks]; J. Sipos, A szitü indián dalok ázsiai kapcsolatairól [About the Asian Relation of the Sioux Indian Songs]; T. Skrynnikova, Semantic Codes of the Buryat Traditional Culture in the Epos “Alamzi Mergen”; Gy. Somlai, Tāranātha egy dóhá-magyarázata [A Doha-Interpretation of Tāranātha]; P. Szalmási, Kárókatona [The Hungarian Word ‘Kárókatona’ (‘cormorant’)]; Zs. Szilágyi, Íaldan szent fája [Saint Tree of Íaldan. Historical Background of a Sacred Place’s Tribute]; R. Takács, Identitás és nyelvek? A modern tibeti irodalom kialakulása és paradoxonai [Identities and Languages: The Development and Paradoxes of Modern Tibetan Literature]; M.M. Tatár, Some Central Asian Ethnonyms among the Mongols; K. Teleki, Mongólia kolostorai az Arany Krónika jegyzéke alapján [Monasteries of Mongolia. A List of the Golden Annals]; E. Tóth, Dzsingisz kán származásának leírása tibeti nyelvű történelmi művekben [Genealogy of Činggis Khan in Tibetan Historiography]; L.B. Töröcsi, Sarki hisztéria — avagy egy hétköznapi kiút létének felismerése [Polar Hysteria or Discovering the Way out of Everyday Life. A Selection of Contemporary Mongolian Poems]; R. Török, A Dayan Degereki hegyisten-séghez szóló tibeti nyelvű áldozati rituálészöveg két változatának összehasonlítása [A Comparison of Two Variant Readings of the Ritual Text of an Offering to the Mountain God Dayan Degereki in Tibetan]; Ф.М. Трофимова, Категория посессивности и ее выражение в монгольских языках; L. Uherkovich, A Citta-mātra iskola bemutatása Dkon-mchog ‘jigs-med dbang-ponál [The Presentation of the Citta-mātra School in the Dkon-mchog ‘jigs-med dbang-po’s Grub-mtha’ mam-par bzhaḡ-pa rin-chen phreng-ba (Precious Garland of Tenets)]; K. Uray-Kóhalmi, Geser/Kesar, der Weltherrscher und Erlöser [Geser/Kesar, the Sovereign of the World and Saviour]; F. Varga, A burját xawçaaxai [The Buriad xawçaaxai]; I. Vásáry, Oldamur és társai [Oldamur and His Namesakes]; Д. Васильев, Неопубликованные наскальные надписи из

Тувы; P. Veres, A magyarok és az obi-ugorok közös *mañce őnelemzése etimológiájának történelmi és mítikus háttere [The Mythological Background to Common Ethnonyms (*mañce) of the Ob-Ugrians and Hungarians]; T. Windhofer, A Fehérlófia Belső-Ázsiában [The Folktale “Son of the White Horse” in Inner Asia]; Gy. Wojtilla, Samyamātrkā II, 91–92. Interpretációs lehetőségek [Samyamātrkā II, 91–92. Possibilities of Interpretation]; M. Yamaji, Kakun — a japán “családi intelmek” [Kakun, the Japanese “Family Precepts”]; Gy. Zentai, Három nepáli bronzszobor a Hopp Ferenc Kelet-ázsiai Művészeti Múzeum gyűjteményéből [Three Nepali Bronze Statues from the Collection of the Hopp Ferenc Museum of Eastern Asiatic Arts]; B. Zsigmond, Kartvél nyelv-e az örmény? [Is the Armenian a Kartvelic Language?].

Alice Sárközi

Повесть о Сагоромо (Сагоромо моногата-ри); Повесть о Такамура (Такамура моногата-ри) / Предисловие, перевод с японского и примечания В.И. Сисаури. — М.: Наталис — Рипол Классик, 2007. — 448 с. (серия «Восточная коллекция»)

Еще несколько лет тому назад казалось, что история классической японской литературы подробно изучена, результаты многолетних исследований отечественных и японских литературоведов обобщены в монографии В.Н. Горегляда «Японская литература VIII–XVI вв.: (Начало и развитие традиции)» (1997), а все наиболее значимые художественные тексты уже переведены на русский язык. Однако выполненные за последнее время переводы посеяли сомнения в том, насколько полно и адекватно наше сегодняшнее понимание особенностей литературного процесса эпохи Хэйан (IX–XI вв.). Среди новых русских изданий классических романов отметим: «Торикаэбая моногата-ри, или Путаница» (пер. М. Торопыгиной, 2003); «Повесть о дупле» (пер. В.И. Сисаури, 2004)¹ и «Повесть о Сагоромо. Повесть о Такамура» (пер. В.И. Сисаури, 2007). Если «Повесть о дупле» относится к раннему этапу развития жанра моногата-ри, то «Путаница» и «Повесть о

¹ Рецензию см.: Письменные памятники Востока. М., 2006, 1(4). С. 282–284.

Сагоромо» написаны уже после появления знаменитого романа «Гэндзи моногатари». Отечественные переводы этих произведений расширяют наше представление о художественном языке аристократической литературы, объясняют закономерность появления романа о блистательном принце Гэндзи и показывают, сколь грандиозно было его влияние на ход последующего развития литературы.

«Повесть о Сагоромо» принадлежит кисти писательницы Сэндзи (?–1092), придворной дамы принцессы Байси. Как сказано в «Записках без названия» («Мумё дзоси»), повесть появилась непосредственно после «Повести о Гэндзи» (предположительное время написания — 70–80-е годы XI в.) и долгое время оставалась одним из самых известных произведений, пока к началу XVII в. не утратила своей популярности. Авторство второй повести из рецензируемой книги — «Повесть о Такамура» — традиционно приписывается известному поэту и каллиграфу Оно Такамура (802–852), время ее создания точно неизвестно. Как пишет В. Сисаури, эта повесть гораздо короче повести о Сагоромо и с этой точки зрения соотносится с ней как небольшая повесть и роман, «однако между ними много общего: оба произведения представляют собой образец зрелого повествовательного стиля, и темой обеих является любовная страсть» (с. 20). Поэтому выбор двух произведений, соединенных в одной книге, представляется совершенно обоснованным.

Переводу литературных текстов предпослано предисловие переводчика, которое, на мой взгляд, по своему содержанию намного шире привычного. Хотя, как того и требует жанр, оно сообщает необходимые сведения о произведениях и их авторах, масштаб и характер обсуждаемых тем сближают его с литературоведческой статьей, по-новому представляющей ход развития хэйанской литературы и содержащей много интересных рассуждений и умозаключений. Для меня особенно важным показалось утверждение автора о том, что «при исследовании прозы периода Хэйан нужно прежде всего иметь в виду, что в Японии не существовало ни героического эпоса, ни волшебной сказки, возникающих на поздних этапах мифологического мышления, которые в других культурах являются источником развития последующих повествовательных жанров» (с. 14). Поэтому отсутствие сюжетного фонда заста-

вило авторов обратиться к типу дневника и к изображению современной им повседневной жизни (с. 19). Конечно, автор не отрицает того, что в прозе присутствуют некоторые сказочные сюжеты, но подчеркивает, что в этот период «национальные мифы не получили отражения, а встречающиеся сказочные сюжеты, по-видимому, иноземного происхождения» (с. 15). Подобная точка зрения объясняет причины эволюции средневековой литературы от ранних сказочных моногатари и дневниковой прозы к психологическому роману. Безусловно, В. Сисаури не первый, кто подметил эту особенность, до него многие авторы обращали на неё внимание. К примеру, Е.М. Мелетинский писал, что в средневековой Японии психологический роман появился «в значительной степени за счет преодоления сказочности более ранних повестей, использования дневниковых эссе и нарративизации лирических циклов»². Однако именно В. Сисаури, подытожив достижения своих предшественников, четко сформулировал мысль об «отсутствии сюжетного фонда», заставившего японских литераторов сделать объектом своего творчества любовные переживания героев, развертывающиеся на фоне жизни придворной аристократии.

В предисловии автор дает развернутый очерк развития прозы IX–XI вв., в котором показывает место в литературном процессе «Повести о дупле», не без влияния которой был написан роман о «жизни избранника богов» принца Гэндзи, и те связи, которые существуют между повествованием о Сагоромо и его прототипом, романом о Гэндзи. Пожалуй, до сих пор в отечественном японоведении не было столь полного и подробного исследования хэйанской прозы, вскрывающего генезис психологического романа в контексте крупных литературных произведений того времени. Добавим, что предшественники В. Сисаури, бесспорно, знали о таких сочинениях, как «Уцухо моногатари» и «Сагоромо моногатари», но в своих работах только вскользь упоминали их, не давая литературоведческого анализа.

Помимо этого, В. Сисаури рассматривает повесть о Сагоромо и о Такамура еще с двух точек зрения — как источник информации об обществе той эпохи и как литературные

² Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С. 258.

произведения. Здесь мне особенно интересной кажется идея автора об «идеологическом раздвоении эпохи», нашедшем свое отражение в мотиве борьбы за Сагоромо синтоистских богов и Будд.

Перейдем наконец непосредственно к тексту переведенных произведений. Их перевод выполнен безукоризненно, стиль повествования изящен, легок, занимателен. Прекрасный язык лишен нарочитой архаичности выражений, в то же время он великолепно передает атмосферу жизни придворного круга, реалии того времени, делая их понятными и доступными для современного читателя. Текст повестей насыщен поэтической лексикой, скрытыми поэтическими цитатами, в текст повести о Сагоромо включено двести шестнадцать танка, в небольшой по объему повести о Такамура — тридцать. Качество поэтических переводов не уступает прозаическим, все стихотворные цитаты прокомментированы в подробных примечаниях, при этом особо отметим, что переводчик не использует уже существующие русские переводы, а предпочитает (и очень успешно) давать свои. Удовольствие от чтения этих повестей во многом обусловлено их воздушным, увлекательным языком. Легкость пера переводчика создает иллюзию изящной простоты оригинального текста, который на самом деле представляет огромную трудность для перевода. Отменное качество перевода ставит их автора в ряд с лучшими представителями отечественной переводческой школы, такими, как А.Е. Глускина, В. Маркова и др.

Тонкое и умное предисловие, превосходящий слог переводчика только подтверждают незаурядность дара В. Сисаури как яркого исследователя и мастера перевода.

К.Г. Маранджян

Serikoff N. Arabic Medical Manuscripts of the Wellcome Library. A Descriptive Catalogue of the Haddad Collection (WMS Arabic 401–487). — Leiden, 2005. — XIII, 554 p., 5 ff. with ill. (Sir Henri Wellcome Asian Series, vol. 6).

Рецензируемый каталог — один из тех немногих, которые возрождают интерес к са-

мому жанру описания арабских рукописей. Он дает, в духе нашего времени, обязательный минимум — учитывая реальное уже наличие справочников — сведений о тексте сочинения в каждой отдельной рукописи и максимум информации — обо всем ином, что сопровождает в рукописи этот текст, не принадлежа ни автору сочинения, ни руке переписчика. Эта категория информации была редкой гостьей в каталогах предыдущего поколения. Но начиная с последней четверти минувшего столетия она стала занимать все больше места в каталогах арабских рукописей, превращая их в какой-то мере из чисто утилитарного жанра в род довольно увлекательной литературы по специальности.

Всем, кто занимается каталогизацией или пользуется в своей работе каталогами арабских рукописей, есть смысл внимательно познакомиться еще с одним вариантом.

Рецензируемый каталог появился на свет, как явствует из предисловия к нему (р. XI и 1–3), благодаря стечению ряда обстоятельств, которых оказалось, по счастью, достаточно, чтобы предпринять и осуществить такую трудоемкую и дорогостоящую работу. Этими обстоятельствами были: 1) неполное отражение старого фонда медицинских рукописей на арабском языке в каталоге Искандара¹ (с. 1); 2) приобретение в 1986 г. большой доли частного собрания Сами Ибрахима Хаддада², печатный каталог которого³ перестал соответствовать реальному местонахождению описанных в нем рукописей; 3) другие, спорадические, приобретения рукописей в течение 90-х годов. Необходимость в каталогизации этих поступлений соединилась с 4) обновленческими тенденциями в арабистической археографии (это еще одно обстоятельство в списке/перечне), и это привело составителя рецензируемого каталога (последний фактор в перечне) 5) к идее полной рекаталогизации арабских рукописей по ме-

¹ *Iskandar A.Z. A Catalogue of Arabic MSS on Medicine and Science in the Wellcome Historical Medical Library. L., 1967.*

² Ливанский врач и историк медицины (ум. в 1957 г.). О нем см.: с. 9–10. Его рукописное собрание состояло из 335 рукописей на 6 восточных языках (с. 9), 22 из них остались в семействе Хаддадов, 87 приобрел Институт Веллкома.

³ *Haddad F.S., Biesterfeldt H.H. فهرس المخطوطات الطبية العربية في مكتبة الدكتور سامي ابراهيم حداد. حلب، ١٩٨٤.*

дицине в данной библиотеке, учитывающей современные дескриптивные технологии и расширившиеся запросы науки на различную информацию, сохранившуюся в рукописных книгах. Нестандартное мышление, характерное для Н.И. Серикова, заранее вызывает интерес к опубликованному им каталогу, хотя медицинское содержание рукописей более привлекательно, может быть, для науки как таковой, а не для всех арабистов.

При такой узкой специализации каталога всех, кто работает с письменными арабскими памятниками, заинтересуют прежде всего способы решения в каталоге общих археографических задач. Можно предположить, что занимающихся арабской медициной больше устроит бы *систематический* каталог медицинских рукописей. Составитель был в состоянии сделать это (об этом говорит *предметно-систематический* указатель на с. 511, имеющий 14 рубрик), но остановился на *шифровом* (или *топографическом*) принципе организации каталога. Арабистов-«медиков» такое решение будет, возможно, задевать, так как рукописи одного и того же сочинения могут оказаться в разных частях каталога. Этого, однако, не случилось, так как дублетных сочинений в описанном собрании очень немного и все они, судя по шифрам, расставлены на полках друг за другом и так же описаны в каталоге. Только одно сочинение, представленное тремя списками, оказалось размещенным в трех местах (на топографических позициях 471, 475 и 487/2). Все же *предметно-систематический* указатель показывает, что систематический принцип построения каталога был в значительной мере подготовлен уже вполне подходящей для этого шифровкой рукописей и расстановкой их на полках. Принять его к исполнению помешали, возможно, те 15 сборников (или сборных рукописей), которые пришлось бы дробить между несколькими рубриками.

Обо всем этом в предисловии к каталогу не говорится, к сожалению. Но вопрос о выборе принципа организации каталога очень важен. Упомянутые 15 рукописей действительно несколько «мешают» чисто систематическому построению каталога, хотя система отсылок и указателей компенсировала бы возникающую из-за них негладкость. Но был бы и выигрыш. Дело в том, что *сборники* (несколько мелких произведений, переписанных одним переписчиком как единое целое) —

довольно распространенный тип рукописной книги в арабо-христианской рукописной традиции. В арабо-мусульманской традиции это очень редкий тип книги, здесь ему противостоят *сборные рукописи* (или конволюты), т.е. малолистажные рукописи, переписанные обычно разными переписчиками в разное время и собранные впоследствии их общим владельцем в единый том. Изучение обоих типов подчиняется разным методологиям, и поэтому в каталогах их желательно выделять в специальный раздел, чтобы они не затерялись среди обычных рукописей (при невозможности или нежелании делать это следует вводить указатель сборников и сборных рукописей). Этот просчет будет еще более заметен, когда выйдет из печати давно сделанный большой каталог арабо-христианских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, где в свое время именно Н.И. Сериков оказался причиной (тогда думалось — случайной), помешавшей авторам выделить *сборники*, одну из крупных особенностей арабо-христианской рукописной традиции, в специальный раздел.

87 рукописей, описанных в каталоге, покрывают собой переписческий период с конца XIII по XX в. и содержат более ста сочинений (см. предисловие, с. 10, и указатель названий сочинений на с. 500–503; 504–508). Указатель датированных рукописей (с. 497–499) позволяет определить, что 34 рукописи (39% описанных) имеют точные даты изготовления (самая старая — 1296 г. н.э., самая молодая — 1936 г.), остальные 53 датированы в каталоге приблизительно, с точностью до столетия (с XV по XX в.).

Каталог коллекции С.И. Хаддада — это лишь первая часть проекта (о его идее см. выше), для успешного осуществления которого мы усматриваем еще два благоприятных обстоятельства, или фактора, в добавление к четырем вышеназванным: 5) реальные научные ожидания новой информации и готовность, проявленная Н.И. Сериковым, пойти им навстречу. Пожелаем ему успеха! Последним фактором является 6) дружественная именная издательская серия «Sir Henri Wellcome Asian Series», которая опубликовала рецензируемый каталог.

Несколько небольших замечаний в заключение.

В каталоге нет прямого объяснения разницы в делении рукописи на несколько *texts*

(№ 425 и др.) или *parts* (№ 418 и др.). Сборник? Сборная рукопись? Очень витиевато описано это в предисловии (с. 3–4). На с. 97 и с. 449 (WMS Arabic 470) в «кодициологических мисцелланиях» напечатано со знаком вопроса: *اثر جديد عهده ايون (?)*; см. также: *Iskandar A.Z. A Catalogue of Arabic MSS on Medicine and Science in the Wellcome Historical Medical Library. L., 1967. P. 76, WMS. Or. 117*, где то же самое названо «owner's stamp». Вероятно, это штемпель «Асар джадид `ухдат хумаюн» (*اثر جديد عهده همايون*). Алфавитный *указатель сочинений* (Appendix 5 на с. 504–508) содержит в общем алфавитном ряду атрибутированные и анонимные сочинения (названия с указанием автора или анонимности сочинения; 2-й текст из рукописи № 428 в указателе не отражен); неатрибутированные сочинения не выделены в отдельный ряд.

Ни в предисловии, ни при указателях составитель ни одним словом не объясняет принципы организации указателей. Он отчасти прав, потому что специалисты в конце концов разберутся и найдут то, что им нужно. Но им было бы небезынтересно узнать, почему выбрана та, а не другая поисковая система. Когда существуют альтернативные поисковые решения, нет другого способа провести «круглый стол» по такой теме, кроме накопления точек зрения тех, кому приходится упорядочивать большие объемы информации в форме указателей.

Вал.В. Полосин

История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1–2 / Под редакцией Э. Ихсаноглу; перевод с турецкого В.Б. Феоновой под редакцией М.С. Мейера. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. — Т. 1: XXXII+602 с. Т. 2: XXII+587 с.

Издательская фирма «Восточная литература», более полувека успешно осуществляющая издание востоковедной литературы, выпустила в свет двухтомную историю Османской империи, которую подготовил

как справочно-энциклопедическое издание коллектив крупных турецких историков. На протяжении десяти лет, прошедших после издания этой работы на турецком языке (1994–1998), ее перевод и публикация на арабском и английском языках показали высокий интерес научной общественности многих стран к труду турецких историков. В те же годы зашла речь о русском переводе этого фундаментального труда. Уже в 2001 г. профессор Экмеледдин Ихсаноглу, очевидный вдохновитель и организатор проекта, заявил о необходимости русского перевода этой книги. Заметим, что перевод этой работы турецких ученых и на ряд других европейских и восточных языков предопределен особенным интересом к истории Османской империи далеко за пределами современной Турции.

Османская империя как по характеру ее социальной структуры, государственной и военной организации, так и по многообразию населявших ее народов была одним из особенных явлений в мировой истории. Поэтому феномен этого государственного образования давно привлекает ученых, стремящихся наиболее полно воссоздать картину его исторического развития.

Историю Османской империи изучали и изучают ученые-туркологи во многих странах. И естественно, что труды ученых Турции постоянно привлекают особое внимание их коллег и читателей во всем мире. Полагаю, что рецензируемая работа группы известных турецких османистов встречена с большим интересом и российскими читателями, и учеными-османистами. В этой работе они найдут очень многое для понимания исторической судьбы Османского государства, так как в ней раскрываются особенности экономического и политического развития империи, ее культурного своеобразия.

Работа опирается на все многообразие исследований турецких историков за последние десятилетия. В отношении композиции и источниковедческой базы работа ассоциируется с замечательным многотомным трудом выдающегося турецкого историка И.Х. Узунчаршылы «Османская история», опубликованным более полувека назад, но до сих пор с благодарностью используемым в работе многими историками в Турции и за ее пределами. Конечно, авторы рецензируемого труда значительно превзошли работу патриарха

турецкой османистики, использовав огромный пласт османистических исследований, накопленных в мировой туркологии за последние полвека.

Авторы двухтомника проделали огромную работу по сбору, систематизации и анализу исторического материала, дающего возможность всесторонней оценки роли Османского государства в мировой истории, его социально-экономического и культурного развития.

Особую ценность представляют, на наш взгляд, те разделы книги, в которых рассматриваются особенности османской военной организации (том I, раздел V), правовая система и судопроизводство (том I, раздел VI), а также структура османского общества (том I, раздел VII). Значителен по масштабу охвата использованных источников и османистической литературы последних десятилетий, когда резко возрос интерес исследователей к экономической истории государства османов, тот раздел книги, в котором весьма подробно описывается экономическая структура Османской империи (том I, раздел VII).

Для понимания особенностей османской цивилизации очень важен материал второго тома рецензируемого издания. Очевидно, что авторы его разделов, посвященных различным аспектам османской культуры и литературы, проделали значительную работу по изучению источников, дающих возможность всесторонне охарактеризовать историю османского языка и литературы разных регионов и периодов, особенности процесса вестернизации в Османской империи в эпоху Нового времени, а также жизнь религиозных конфессий на ее территории. Интересен и раздел, освещающий деятельность османских учебных и научных институтов.

Следует отметить, что все разделы книги написаны с использованием широкого круга источников и исследований. Примечания и библиографические ссылки авторов свидетельствуют о тщательном подборе материалов в тот или иной раздел книги. Огромная библиография, приведенная в конце каждой книги, позволяет считать, что рецензируемый двухтомник прочно опирается на все знания и опыт мировой османистики.

Но сожаление вызывает тот факт, что российская османистика, достижения которой довольно хорошо известны в мировом восто-

коведении как по общей истории Османской империи, так и по отдельным периодам и аспектам ее истории, не учтена нашими турецкими коллегами в тексте их работы и отсутствует в библиографии.

Конечно, можно понять авторов рецензируемого труда — языковой барьер в данном случае очевиден. Но ведь российские историки-туркологи всесторонне учитывали опыт, знания и достижения турецких коллег, широко используя их труды в своих работах по истории Османской империи. Автору этих строк не раз приходилось слышать от турецких коллег добрые слова о российских османистах и сожаление относительно того, что их работы не переведены на турецкий либо на английский языки. Это, на наш взгляд, важная проблема, которую можно решить, лишь объединив усилия турецких и российских османистов. Очень хотелось бы, чтобы такие труды, как книга А.Ф. Миллера о Мустафе Байрактар-паше, работы по экономике Османской империи А.Д. Новичева, исследования по социальной истории турецкого общества и его структуре М.С. Мейера, народных движений в Османской империи эпохи средневековья А.С. Тверитиновой, вошли в творческую лабораторию турецких историков-османистов. Возможно, полезными оказались бы и работы автора этих строк по истории реформаторских движений в империи османов, да и десятки книг и сотни статей других исследователей, отражающих работу российских туркологов-османистов нескольких поколений.

Конечно, всесторонняя и полная оценка работы турецких ученых и того вклада, который вносит их труд в современную туркологию, в частности концептуальные оценки различных разделов книги, — задача будущего. Сегодня же очевидно одно: перед нами книга, значение которой по широте охвата исторических явлений исключительно. Ею с признательностью будут пользоваться как нынешние, так и будущие поколения османистов в разных странах.

Полагаю, что М.С. Мейер справедливо отметил в своем предисловии к книге, что не все ее положения примут российские историки. Очевидно, что и не все выводы авторов книги будут готовы разделить их российские коллеги. Но подобная оценка книги требует обстоятельного профессионального анализа многих специалистов.

Приведу лишь один пример из более близкой мне области истории Османской империи. Речь идет о движении «новых османов» и их деятельности, подготовившей провозглашение первой турецкой конституции 1876 г. «Новые османь» сыграли большую роль в формировании нового политического сознания турецкого общества, во многом заложили идейные основы для модернизации османского государства. Между тем это, на наш взгляд, весьма значительное событие в османской истории — провозглашение первой конституции — в двухтомнике почти не отражено. В историческом очерке первого тома оно просто исчезло, а во втором томе «новые османь» упомянуты лишь вскользь. Подобное «упущение», полагаю, возникает по причине иной, чем у российских историков, интерпретации общего хода развития Османской империи в XIX в., его оценки в контексте мировой истории. И недоучет авторами рецензируемой книги научного вклада в современную османистику наших отечественных туркологов сужает, на наш взгляд, в данном случае исследовательские возможности турецких коллег.

Однако это частное замечание не может отменить того факта, что двухтомник, подготовленный турецкими историками, задуман и выполнен с высоким профессионализмом. Это значительный вклад в мировую османистику и показатель высокого уровня исследований, осуществляемых османистами в современной Турции.

Ю.А. Петросян

В.А. Лившиц. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 263+220 с.

Выдающийся иранист, ученый, пользующийся уважением не только в России, но и за рубежом, Владимир Аронович Лившиц родился в 1923 г. в Ленинграде, где провел большую часть своей жизни. Он участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 по 1945 г., был награжден медалями и орденом и вместе с советскими войсками пересек границу СССР в 1945 г., демобилизовался и вер-

нулся в родной Ленинград. Здесь он продолжил занятия на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, учебу на котором он начал перед войной. Иранская кафедра была в то время одной из самых сильных на Восточном факультете. Владимир Аронович закончил ее с отличием в 1948 г. Ему посчастливилось поступить в аспирантуру к одному из самых образованных профессоров, члену-корреспонденту АН СССР Александру Арнольдовичу Фрейману. Фрейман в то время занимался согдийскими документами, случайно обнаруженными в 1932–1933 гг. в Средней Азии, в Кал'а-и-Муг, в районе Верхнего Зеравшана. Документы находились в корзинке и были спрятаны между скал, очевидно во время последнего боя согдийцев с арабами. Для Владимира Ароновича это была первая встреча с подлинными согдийскими документами.

С этого времени началась работа Лившица с древнеиранскими надписями на языках, которые давно уже были утрачены и сохранились только в документах на дереве, бумаге, коже, керамике. Владимир Аронович несколько лет провел в Таджикистане, преподавая иранские языки в высших учебных заведениях Душанбе и одновременно принимая участие в археологических экспедициях. Позднее, когда он переехал в Ленинград и начал работать в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, он продолжал посещать археологические раскопки в Таджикистане и читал древние настенные надписи-граффити на согдийском языке. Согдийский язык стал главным в работах Владимира Ароновича. Только в Ленинграде он познакомился наконец с подлинными документами, найденными на горе Муг. Их всего было 75. Один документ на арабском языке опубликовал академик И.Ю. Крачковский (в 1934 г.). Он плохо сохранился, но содержание его просматривается — это переписка местного правителя с арабами. Первую публикацию согдийских документов осуществил А.А. Фрейман¹.

Книга Владимира Ароновича отличается огромными достоинствами. Помимо публикации согдийских текстов — их чтения, транслитерации, перевода на русский язык, обширных филологических комментариев —

¹ *Фрейман А.А.* Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане // Труды ИВ АН СССР. Т. XVII. Л., 1936. С. 137–165.

впервые в русской научной литературе появились сведения об истории и культуре народа, который до завоевания арабами занимал территорию Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. Арабы стерли это государство с лица земли, но до настоящего времени в горных долинах проживают ягнобцы — потомки согдийцев.

Согдийцы оставили значимый след в мировой истории, ибо до уничтожения ордами Чингисхана Великого шелкового пути согдийские купцы были главным связующим звеном между Востоком и Западом. Помимо товаров они везли с собой религиозные, культурные и исторические знания.

Владимир Аронович ввел в науку самые ценные сведения, содержащиеся в юридических документах. Они занимают значительную часть книги. Самый большой из сохранившихся согдийских текстов — это брачный контракт (Nov. 3 и Nov. 4), написанный на кусках кожи трапецевидной формы. Он раскрывает сущность отношений между мужем и женой, их права, их обязанности, взаимную ответственность, имущественные отношения в случае развода. Как видно из контракта, разрешались и разводы, и повторные браки. Характерной особенностью контрактов является отсутствие сведений о приданом невесты и обязательств об уплате калама. Владимир Аронович установил, что согдийский брачный контракт имеет сходство с арамейскими брачными контрактами V в. до н.э. из Элефантины.

Самым ранним по времени составления среди мугской коллекции является документ В-8, составленный ранее 708 г. Он также написан на коже, состояние неважное, имеются лакуны. Содержание документа необычное: один из жителей Самарканского Согда, или Уструшаны, купил у другого жителя часть «кладбищенского сооружения». Оно использовалось для выставления трупа. Самым трудным в этом документе явилось большое количество имен — правителей и жителей, а также географических названий. Лившиц установил, что документ был составлен за несколько лет до правления Деваштича. Документ дает возможность составить представление о погребальных обрядах согдийцев.

Хозяйственные документы, сохранившиеся в коллекции, по композиции и содержанию сходны с хотано-сакскими, тибетскими и даже китайскими документами. Можно указать основные черты сходства. Докумен-

ты начинаются с имени правителя и года его правления, затем указывается повод для составления документа и сроки расчета. Обычно количество зерна, муки, масла или другого продукта должно быть выплачено в течение одного года, но не сразу, а помесечно. Это касается и налогов. Документ заверяется несколькими подписями местных жителей. Некоторые согдийские документы нашей коллекции скрепляются глиняными круглыми печатями, которые прикрепляются к документу ниткой. В качестве примера можно привести документ В-4 «Договор об аренде мельниц».

В коллекции оказались 5 расписок на получение кож, выделанных или необработанных. Самой важной частью этих расписок являются комментарии Владимира Ароновича, которые раскрывают содержание имен собственных, указывают на территорию, где происходит выделка кож, определяют даты расписок.

Среди документов оказались и личные письма. Очевидно, они были дороги их владельцам, ибо они хорошо знали, как расправились арабы в 722 г. с Деваштичем, и понимали, что воины ислама готовы уничтожить все, что относится к согдийской культуре. Самыми важными для истории оказались письма Деваштичу. Одно из них написано на тонкой серой китайской бумаге (А-14). Некий Фатуфарн был послан Деваштичем в Чач, оттуда Фатуфарн должен был доставить текст этого письма ферганскому царю и кагану. Но им письмо не было доставлено, потому что их владения к этому времени уже были заняты врагом, Фатуфарн вынужден был вернуться в Чач.

Важное историческое значение имеет документ (А-9) — тоже письмо, написанное на двух кусках кожи. В нем сообщалось грустное известие: Худжент перешел в руки арабов, и весь народ, всего около 14 000 человек, принял ислам. Ряд других писем был посвящен тем же вопросам: наступление арабов, захват согдийских территорий и обращение жителей в ислам.

Большой интерес представляет финансовый документ, в котором Деваштич фиксирует все свои доходы за 10-й, 12-й и 13-й годы.

Юридические документы заканчиваются глоссарием, в котором содержатся все слова из текстов документов и из комментариев к

ним. Это одна из самых ценных частей книги Владимира Ароновича, содержащая филологические и исторические сведения, касающиеся культуры Согда в последние годы его независимости.

Вторая часть книги посвящена статьям о памятниках согдийской эпиграфики Средней Азии. Одна из глав этой части посвящена Кешу (Шахрисябзу) в согдийских текстах и монетных легендах.

Долина Кашкадарья с городами Кеш и Нахшеб в исторических памятниках относилась к Южному Согду. Большой интерес представляет собой точно не установленная до сих пор история этой территории. Большое количество медных монет, иногда посеребренных, выпуск которых вызвал различные предположения о времени эмиссии, связывает их с различными государствами, занимавшими эту территорию в разное время. Были ли это юэчжи, кушаны или эфталиты — этот вопрос остается спорным. В.Б. Хеннинг считал надписи на ряде монет одним из образцов согдийского курсива V в.н.э. Трудность в определении времени эмиссии составляет отсутствие имен собственных правителей, монеты как бы были безымянными. Владимир Аронович считает, что выпуск этих монет осуществлялся в течение по крайней мере двух столетий — V–VI вв. н.э.

Отдельный раздел посвящен согдийским документам из замка Чильхуджра. Этот ранне-средневековый замок, расположенный в 2,5 км от поселка Шахристан (Таджикистан), давно привлекал внимание ученых (так, одна из первых экспедиций туда — под руководством Н.С. Лыкошина — состоялась в 1890 г.). Документы оттуда не опубликованы, и Владимир Аронович впервые попытался дать адекватное чтение и датировку трех документов.

Три документа на деревянных дощечках относятся к разряду хозяйственных и посвящены доставке хвороста. Владимир Ароно-

вич посвятил часть статьи происхождению названия Уструшана, встречающегося в документе, и дал свое толкование — прилагательное от названия селения. Подробно рассказано об истории замка. Владимир Аронович открыл одну из важных страниц истории Таджикистана.

В Согде составляли азбуки. Одна из них, на деревянной щепке, вошла в состав публикаций Владимира Ароновича. Алфавит состоит из 22 букв арамейского прототипа. Документ служит доказательством высокой степени грамотности в Согде.

К сожалению, ко 2-й части книги Владимира Ароновича нет глоссария. Это намного увеличило бы ее ценность, хотя и так значение книги для науки очень высоко.

Третий раздел книги посвящен согдийской эпиграфике Семиречья. Это расшифровки надписей на хумах. За последние годы наука приобрела большое количество надписей на керамике — на санскрите и пракрытах, на кхароштли, на бактрийском, на тюркских языках. Большинство индийских надписей — хозяйственные: назначение сосудов, имена собственников, название общин. На согдийских надписях обозначено время создания сосуда, имена вложивших в него деньги собственников.

В книгу включены наскальные надписи из ущелий Кулан-сай и Терек-сай.

Книга снабжена библиографией. Хотя сам Владимир Аронович считает ее не выдержанной хронологически, она достаточна для того, чтобы составить суждение о развитии согдологии начиная с начала XX в.

Хотя в этой книге содержится не все, что написано Владимиром Ароновичем, в области согдологии она представляется итоговой, а по богатству содержания не имеет себе равных в мировой иранистике.

М.И. Воробьева-Десятовская